

ИСТОРИЯ

Арсений Замостьянов

ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ ГОСУДАРЕ

Патриарх Филарет в истории Руси

Когда мы вспоминаем деятелей, укрепивших страну после испытаний смуты, нередко забываем одного из главных героев.

Есть в Кремле чудное здание — Филаретова пристройка к звоннице колокольни Ивана Великого. Изумрудный шатёр, увенчанный золотым крестом, приковывает внимание и надолго врежется в память. Это знаменитый каменных дел мастер Бажен Огурцов по благословению патриарха Филарета завершил ансамбль огромной московской колокольни. Это изящное кремлёвское здание — как памятник третьему русскому патриарху.

А что мы помним про патриарха Филарета? Только одно: он был отцом и фактическим соправителем первого царя из династии Романовых. Сегодня трудно представить себе, что у святейшего патриарха может быть сын — правитель державы. Да и в те времена такое было в диковинку: единственный подобный случай в истории Руси. Судьба патриарха Филарета уникальна.

Кажется, на такие сюжетные повороты только Дюма был способен, да и то при помощи ансамбля литературных негров.

Жил да был состоятельный московский боярин Фёдор Никитич. Щеголеватый и остроумный повеса. Обаятельный, остроумный, энергичный. Кстати, он был первым боярином, носившим фамилию Романов. Род-то уже считался именитым, но его отец Никита Романович носил фамилию Захарьин-Юрьев. И был племянником царицы Анастасии. Той самой любимой жены Ивана Грозного, гибель которой так повлияла на его характер и судьбу. Стоп! Этот факт нужно запомнить. Призрачное родство Фёдора-Филарета Романова с великим государем из рода Рюриковичей сыграет важную роль на выборах царя. Сын племянника жены — седьмая вода на киселе. Но Романовы крепко ухватятся за этот шанс.

Итак, молодой боярин Фёдор Никитич Романов жил в Москве в своём удовольствии. На улице Варварке,

Патриарх Филарет.
Портрет работы
Владимира Гау, 1854 год

которая в XX веке много лет — видимо, в назидание боярам Романовым — носила имя Степана Разина. Голландский путешественник Исаак Масса вспоминал про него: «красивый мужчина, очень ласковый ко всем и такой статный, что в Москве вошло в пословицу у портных говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: «второй Фёдор Никитич». А ещё тот голландский шпион пересказал слух о том, что царь Фёдор Иоаннович перед смертью буквально передал скипетр своему тёзке Романову. Слух устойчивый, который, по всей видимости, сами Романовы и распускали.

Когда умер набожный царь Фёдор, последний Рюрикович, Фёдоров Романову исполнилось 44 года.

Преклонный, даже запредельный возраст по тем временам, но расцвет для политика, если Бог наделил его здоровьем. Он к тому времени стал опытным управленцем, успел повоевать. Вызывал уважение в дворянской среде приятным обхождением и мягкой твёрдостью. Словом, человек, рождённый властвовать. Это и тревожило Бориса Годунова, нового царя. Он видел в Романовых опасных конкурентов и не без оснований, а Фёдора Никитича невзлюбил со времён Ивана Грозного. Родовитые бояре считали нового самодержца выскочкой, он же не был царём по рождению, не был *природным царём*. Годунов отвечал им жёстко, показывал, кто в доме хозяин. Фёдор Романов не скрывал властолюбия — и сразу подпал под подозрение. Он-то считал себя выше Годунова! Как-никак, родственник природного царя, и красив, и латыни учён. Но политический опыт Бориса был оружием неотразимым. Годунов приблизился к трону ещё во времена Ивана Грозного, многому научился у первого русского царя. А уж при Фёдоре правил, как всемогущий премьер-министр — и не без пользы для государства. Словом, пришлось Фёдору Никитичу несладко.

Царь Борис Фёдорович, как и положено амбициозному государственному деятелю, ценил соглядатаев и доносчиков. Они позволяли ему видеть сквозь стены. За доносы

щедро награждал серебром, мехами и поместьями. В свите бояр Романовых шатался дворянин по фамилии Бартенев. Служил он у них, между прочим, казначеем. Тайно он явился к Семёну Годунову и предложил свои услуги. Они сговорились. Вскоре Бартенев подложил в тайник Романовых каких-то отравленных кореньев. Начался сыск, а слухи пошли один другого страшнее.

Дом Романовых царёвы люди взяли приступом. А потом братьев допрашивали, а их людей жестоко пытали. Пресловутые коренья стали доказательством того, что Романовы готовили подлое злодеяние: хотели отравить царя.

Не странно ли, что в православном царстве-государстве пострижение в монахи было самой расхожей политической репрессией? Пожалуй, в этой практике нетрудно разглядеть лицемерие.

И вот под колокольный звон, в 46 лет недавний светский лев становится монахом и получает имя Филарет. Он и церковной службы толком не знал. Заодно в монахини постригли и его супругу — урождённую Ксению Ивановну Шестову. Эта властная, яркая (и тоже уже немолодая) женщина в те дни насколько не походила на служительницу Бога. Однако Ксении Ивановны больше не стало и на свет Божий явилась инокиня Марфа.

Романовых сослали подальше от Москвы. «Дан приказ: ему — на За-

пад, ей — в другую сторону». Новоявленного Филарета отправили в Антониев-Сийский монастырь на Северной Двине, а Ксению-Марфу — на дальний заонежский погост.

Казалось, супруги больше никогда не свидятся. Поначалу их разлучили и с детьми — в том числе и с будущим царём. Казалось, супруги больше никогда не свидятся, а приверженцы Годунова, верно, не сомневались, что Филарет встретит закат дней скромным монахом.

Монах не мог претендовать на престол. Не имел права. Но Фёдор (простите, теперь уже Филарет) и в ссылке верил в будущее своё возвышение. К церковной службе в те дни душа его не лежала: он вообще, по сравнению с современниками, до преклонных лет был глуховат к Евангельскому слову. К патриарху Иову, который поддерживал Годунова, относился без почтения. Поначалу он не помышлял о церковной карьере и держал себя с братьями-монахами высокомерно.

Пристав Богдан Воейков — усердный соглядатай — доносил царю, что живёт Филарет «не по монашескому чину, всегда смеётся неведомо чему и говорит про мирское житьё, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил, и к старцам жесток». Воейков побаивался, что Романов может бежать, потому что «ограду монастырскую велено свести на гумно и около монастыря ограды нет». Ограду укрепили, да

и следили за пленником не вполглаза. Филарет воодушевился, когда получил известия о художествах Самозванца — будущего Лжедмитрия Первого, который наступал на Годунова.

Когда «вор Гришка Отрепьев» стал царём Димитрием, пока ещё без приставки «лже» — Романова выпустили на волю. К тому времени Филарет стал иеромонахом и метил в архиереи. Борода его поседела. Самозванец старался приветить врагов Бориса Годунова — и Филарет быстро стал митрополитом Ростовским. Трудно сказать, как отреагировали на это настоящие священники вверенной ему епархии. Но Филарет переменялся, постепенно он превратился в настоящего служителя Церкви. Стал смиреннее и мудрее, да и на богословское самообразование не жалел времени.

Во дни наступления «Тушинского вора», Лжедмитрия Второго, Ростов самозванцу не покорился. Позиция митрополита Филарета была твёрдой. Город предали огню, разграбили, не пощадив даже храмов, а митрополита захватили в плен. Самозванец принял его с почтением, они обменялись подарками. Тушинцы объявили Филарета патриархом Московским. Он должен был рассылать по Руси грамоты, склоняя паству на сторону Лжедмитрия. В этой ситуации Филарет держался дипломатично, осторожно.

Вслед за ним в Тушино перебрались некоторые его родственники и союзники. Царя Василия Шуйского Филарет презирал, но и Тушинского вора не считал государем, хотя само присутствие «патриарха Филарета» в Тушине создавало видимость законной власти Лжедмитрия. Патриарх Гермоген — непреклонный противник самозванца — не серчал на Филарета за невольное присвоения патриаршьяго достоинства. В своей грамоте патриарх Гермоген писал, что молит Бога о тех, «которые взяты в плен, как и Филарет митрополит и прочие, не своею волею, но нужею». Доброта святого патриарха помогла Филарету сохранить доброе имя после краха Лжедмитрия...

Ему предстояла сложная дипломатическая миссия: митрополит Филарет возглавил большое посольство в Польшу, к королю Сигизмунду. Там он откажется признать сдачу Смоленска — и попадёт под стражу. Девять лет митрополит провёл в плену — правда содержали его, главным образом, в комфортных условиях. Интересов Руси он полякам не продал.

Вот вам парадокс: Михаила Романова избрали царём из уважения к отцу, а сам Филарет ещё долго оставался в польском плену... По тем временам, он был уже глубоким стариком — пережил по возрасту и Ивана Грозного, и Годунова, и, наверное, в Москве немногие верили

ИСТОРИЯ

в возвращение Филарета. Казалось, вот-вот он отдаст Богу душу. Но здоровье у Филарета было отменное. Он так и останется в истории главным долгожителем из Романовых: несмотря на успехи медицины в XIX веке, ни один царь этой династии не дотянет до 75 лет. А Филарет жил не менее 79, а скорее всего больше 80. За тысячелетнюю историю нашей страны ни один правитель (не считая отставников) не дожил даже до 76!

Отец и сын встретились на реке Пресне 1 июня 1619 года. Друг друга они любили странною любовью: ведь до этого летнего дня Михаил и Филарет практически не общались. Исполнили ритуал: поклонились друг другу в ноги, оба заплакали, обнялись и долго молчали, онемев от радости. Случай небывалый: действующий царь обнял отца. Бывает, что сын убивает отца ради шапки Мономаха, а тут при живом отце мальчишка стал царём. Филарет к тому времени уже и ещё не был патриархом: всё, что делалось при дворе Лжедмитрия Второго, разумеется, считалось противозаконным.

Вскоре Филарета избирают патриархом. Михаил вздохнёт облегчённо: теперь можно вполне официально переложить ответственность за страну на плечи отца. Патриарх получил царский титул — великий государь. Все государственные вопросы без исключения решал патри-

арх. Даже иноземных послов они принимали вдвоём — и, конечно, престарелый отец показал себя куда более энергичным дипломатом, чем царствующий сын. При патриархе действовало правительство, он был в те годы и премьер-министром, и канцлером. Титул «великий государь» вполне соответствовал его положению на Руси и в православном мире. Неспроста историки называют его русским Ришелье. Редкое согласие между отцом и сыном (в истории монархий гораздо чаще встречались раздоры!) обеспечило расцвет симфонии Церкви и государства.

Имел ли он царские амбиции? В Коломенском дворце в 1863 году нашли портрет, где Фёдор Никитич изображён в царском кафтане с дорогим поясом, отделанным горностаями. В правой руке скипетр, на портрете надпись: «Царь Фёдор Никитич». Сверху был написан портрет патриарха Филарета... История этой картина загадочна. То ли Фёдор Никитич ещё при Годунове тешил самолюбие, то ли уже в годы правления сына хотел хотя бы на картине видеть себя не только патриархом, но и царём.

Властный? Ещё какой! А вот страстишка к роскоши осталась во франтоватой юности. О великом государе Филарете вспоминали, что он менял верх на шубе, отдавал старые сапоги в починку и с необыкновенной предосторожно-

стью отдавал чистить и мыть свой единственный белый шёлковый вязаный клубок с шитым золотом и серебром херувимом. Настоящий государственный человек должен с презрением относиться к побрякушкам. Так и Филарет.

Питался просто, соблюдал посты. Ему постоянно покупали к столу на рынке «хлеб да калачик на 4 или на 3 деньги и на 2 деньги клюквы». Покупка оловянной да деревянной посуды, в свою очередь, свидетельствовала о простоте повседневных потребностей этого святителя.

Архиепископ Астраханский Пахомий утверждал: «Филарет был среднего роста, божественное писание знал и понимал только отчасти, был человеком мнительным и наделён такой властью, что сам Царь боялся его. К духовенству был очень милостивым, но больше занимался делами царскими чем Церковью». Волосы, бороду и усы он постригал достаточно коротко, отчего тогдашние сатирики за глаза его называли «мужиком». Между прочим, в книге финансовых расходов на государственные нужды была статья «8 алтын на подстрижку патриарху волос, бороды и усов»!

Как только Филарет взялся за дело — страна встрепенулась. В 1620 году правительство разослало грамоты, в которых под страхом жёсткого наказания запрещало воеводам и приказным людям

брать взятки, а городским и уездным жителям давать их. Своевременная мера! Важной реформой была поземельная перепись, в результате которой подати были распределены справедливее и точнее.

Всячески пытался правитель поддерживать работающих русских людей, их и тогда не хватало. Для этого смело вводил протекционистские меры: налоги на ввозимые товары. Чтобы развивалось собственное производство! А как ещё вылезти из нищеты? Но русское купечество за годы войн обнищало: для больших проектов пришлось приглашать иностранцев. Голландский купец Виниус устроил подле Тулы заводы для литья пушек, ядер и выделывания разных других вещей из железа. Правительство строго следило, чтобы иностранцы не скрывали от русских секретов мастерства. Нравы при этом сохранялись строгие: скажем, за употребление табаку резали носы — совсем как в наше время. При царе Михаиле вызывали из-за границы не одних ратных людей, не одних мастеров и заводчиков: понадобились люди учёные, и в 1639 году вызван был в Москву известный учёный голштинiec Адам Олеарий — астроном, географ и геометр. Почти волшебник, загадочный иноземец.

На Спасской башне появились часы с боем. Вспомнилось старое выражение: «Москва — третий Рим». Новые города появлялись в

ИСТОРИЯ

Сибири — почти безлюдные крепости, из которых позже вырастут Красноярск и Якутск. Далеко дошли русские люди!

К специфическим церковным проблемам он не был столь внимателен. А государственные реформы проводил вполне дельные. В первую очередь поднял руку на коррупцию и не без успеха. Купцам раздавались особые привилегии, в том числе разрешение ездить в другие страны при условии торговать ещё и казенными товарами, следить за работой таможен и кабаков для пополнения доходов государственной казны. К тому же удалось наладить хлебную торговлю. Русский хлеб закупали шведы, немцы, французы. А значительная часть доходов шла в государственную казну: Филарет умел считать копейку. Эти меры спасли Русь от разорения.

Из польского плена Филарет явился убеждённым врагом Запада. Он видел, как в результате реформации распалось католическое единство в Европе и пресекал в зародыше подобные процессы на Руси. Он отстаивал право перекрещивать католиков в православную веру — это коснулось тысяч славян на западных рубежах империи.

Он приглашал талантливых иноземцев в качестве полезных гастроляров, но не любил, когда чудаки укоренялись на Руси. Иностранцев на русской службе в те времена уже хватало. Филарет потребо-

вал: или переходите в православие или убирайтесь восвояси. Мало кто из немцев обратился в православие, а специалисты были необходимы государству... Тогда патриарх решил переселить их в комфортабельное гетто. Так возникла обширная немецкая слобода — Кокуй, в районе нынешней Бауманской улицы. Пущай там иноверцы и варят своё пиво! От этого уютного городка остался один дом — усадьба голландского лекаря Ван-дер-Гульста. Всего лишь один дом, да и то перестроенный.

Филарет проявил строгость и обуздал главного русского бунтаря-космополита — Ивана Хворостинина. Острослов, мизантроп, скептик, он презирал всё русское. Как часто мы встречаем таких Хворостининых в современной творческой интеллигенции! Такие бывают в каждом поколении: в семье не без Хворостинина. А уж смутное время взбаламутило элиту. Поляки, литовцы, немцы, шведы сновали по Руси, шуровали в Москве. К ним приглядывались. Их обычаи казались заманчивыми. Иноземцы не держали строгих постов, выпивали, курили, носили необычные для русского глаза костюмы. Они больше читали, они ярче развлекались. Некоторые потянулись к ним, стали подражать. Впали, если говорить языком XX века, в низкопоклонство перед Западом.

Хворостинин писал: «Московские люди сеют всю землю рожью, а жи-

Арсений Замостьянов **Повесть о великом государе**

вут все ложью». В Москве «все люд глупый, жити... не с кем...». Он заявил, что хочет продать свои вотчины и уехать в Литву. Подозревали его и в ересях. За всё это Филарет приказал сослать Хворостинина в Кириллов монастырь, держать его безвыходно в келье, давать читать только церковные книги и заставлять молиться. Это было в 1623 году. Хворостинин просидел там девять лет и был отпущен в 1632 году, когда дал обещание и клятву соблюдать уставы греческой церкви и не читать никаких еретических книг. Вроде бы и впрямь перевоспитался. А, может быть, просто постарел.

С годами всё больше внимания уделял патриарх делам церковным.

До последних дней патриарх трудился, вот уж пример деятельной старости. Активизировались связи с Восточными церквями. Денег в казне всё ещё не хватало, но святейшему удалось наладить работу типографии. Исправление и печатание богослужебных книг он считал главной своей задачей. Монастыри и храмы приобретали книги по низкой цене: типография не гналась за прибылью. А на Север и в Сибирь книги посылались бесплатно. Крещение народов Сибири Филарет считал миссией русской церкви, именно он учредил Тобольскую епархию.

Да тобою, пресветлым государем, благочестивое ваше царство паки воспрославит и распростра-

нит Бог от моря и до моря и от рек до конец Вселенныя, и расточенная во благочестивое твоё царство возвратит и соберёт воедино, и на первообразное и радостное возведёт, воеже быти на Вселенной царю и самодержцу христианскому, и возсияти, яко солнце посреде звёзд!

Сентябрь 1633 года принёс в Москву дурные вести из-под Смоленска. Ставленник и друг Филарета, опытный полководец Михаил Борисович Шеин попал в польскую ловушку, не сумел уберечь войско от дезертирства и апатии. Смоленск остался польским. А Русь чудом избежала более чувствительного поражения. За неудачную осаду Смоленска Шеина казнят прилюдно... Будь жив патриарх Филарет, этого не случилось бы. Но он не перенёс первых печальных вестей из-под Смоленска. Не болел. После обедни поговорил с сыном — и занемог. Скончался в тот же день, указав на преемника — будущего патриарха Иоасафа, псковского архиепископа. Филарет понимал, что новый святейший не получит столь обширной власти, и избрал для этой роли человека благочестивого, волевого, но не питавшего политических амбиций. Он оставил ему Церковь преображённую, паству, успокоенную после череды потрясений. И общество, готовое к новому рывку на пути просвещения и укрепления государства.